

— Это бѣлье запачкано кровью лѣшихъ, — сказала красавица.

— Кровью лѣшихъ? Развѣ кто-нибудь побѣдилъ ихъ? — заворчалъ Оримитсу, думая, что, можетъ быть, какой-нибудь другой самурай похитилъ у него славу.

Прекрасная женщина, стиравшая для лѣшихъ, думала, что онъ негодуетъ при мысли о ихъ пораженіи; она вообразила, что путники были ихъ сообщниками, потому что многимъ темнымъ дѣламъ научались разбойники отъ пилигримовъ.

Она отвѣтила:

— Нѣсколько дней тому назадъ лѣшіе притащили богатую добычу. Съ тѣхъ поръ они пьянствуютъ, дерутся и рвангъ другъ друга. Вы сами увидите. Идите вдоль ручья, сосчитайте триста шаговъ, и вы найдете входъ въ пещеру.

Они нашли и вошли. Лѣшіе были пьяны, но отплясывали. Другая женщина, еще красивѣе той, что была у ручья, играла и пѣла пѣсни, въ тактъ которымъ тяжело кружились лѣшіе. Ихъ рогатыя головы падали на мохнатую грудь. Они дремали на ногахъ. Тонга, сдѣшавшись ногтями, кружились въ пьяномъ хороводѣ. Нѣкоторые изъ нихъ пробовали хлопать крыльями, но крылья тяжело опускались и падали. Многие старались кружиться, но уже не могли поднять ногъ и оставались прикованными къ мѣсту.

Оримитсу не могъ допустить мысли о томъ, чтобъ истребить врага соннаго. Онъ напалъ на нихъ. Онъ узналъ ихъ начальника и отрубилъ ему голову такъ быстро, что чудовище еще продолжало нѣкоторое время отплясывать съ головой на плечахъ. Когда она свалилась на полъ, всѣ лѣшіе подумали, что это измѣна одного изъ нихъ. Не объясняя себѣ причины, они переколотили другъ друга до смерти. Это заблужденіе очень облегчило труды Оримитсу. Благодаря этому, онъ сдѣлалъ изъ нихъ тѣсто. Онъ колотилъ ихъ другъ о друга. Не довѣряя этимъ живучимъ существамъ, онъ ихъ снова рубилъ, точно ихъ надо было убивать по два раза. Никто изъ нихъ не уцѣлѣлъ.

Оримитсу взялъ въ плѣнъ двухъ красавицъ и вмѣстѣ съ Тсуной свершилъ торжественный въѣздъ въ столицу императора, въ Кіото.

* * *

Елизавета Броунингъ. Въ мартовской книжкѣ «Revue Hebdomadaire» помѣщена статья г-жи Феликсъ Форъ (дочери бывшаго президента республики), посвященная памяти англійской поэтессы Елизаветы Броунингъ; статья написана по поводу столѣтняго юбилея со дня рожденія этой поэтессы, мало извѣстной въ Россіи, но считающейся въ Англии «Альбіонской Сафо».

Во Флоренціи, пишетъ г-жа Форъ, надъ тосканскими кипарисами, напоминающими картины Анжелико, выступаетъ мраморный мавзолей, съ выгравированными на немъ тремя буквами: Е. Б. Б. Та, чей прахъ покоится тамъ, родилась сто лѣтъ тому назадъ, въ мартѣ 1806 года, въ Дюргамѣ.

Она была существомъ обездоленнымъ и затѣмъ превознесеннымъ. Отъ Елизаветы Броунингъ остались портреты: сверкающіе глаза на неправильномъ лицѣ, обрамленномъ поэтичными локонами; руки, ноги, фигурка маленькой феи и наполняющая все ея существо нѣжная и лукавая грація креолки.

«Лирическая любовь, полу-ангелъ, полу-птичка»... такъ говорилъ о ней тотъ, чья любовь ее воскресила. И вотъ появленіе этого маленькаго трепещущаго и воздушнаго существа празднуется еще теперъ, сто лѣтъ спустя.

Въ тоскливой лондонской улицѣ Уимполь-Стритъ жилъ старый плакаторъ. Въ одной изъ комнатъ его дома, окнами во дворъ, помѣщалась его больная дочь. Комната эта была не изъ очень роскошныхъ, но жилища украсила, насколько могла, ея стѣны. Днемъ изъ кровати устраивалась нѣчто вродѣ софы. «Кипы греческихъ и англійскихъ книгъ,—говорить г-жа Мерлеттъ,—увѣнчанныя бюстами Гомера и Чоусера,—лежали на комодѣ и туалетномъ столѣ. Передъ окномъ—живой зеленый занавѣсъ изъ ползучихъ растеній, растущихъ въ ящикѣ, наполненномъ землей. Елизавета заботилась о своихъ трехъ жасминахъ и поденъжникахъ, чахнувшихъ безъ солнца и воздуха». Таковъ былъ заколдованный пріютъ, гдѣ жила эта фея въ обществѣ добраго генія, принявшаго видъ собаки Флоса.

Больная, послѣ смерти брата, утонувшаго, катаясь на лодкѣ, миссъ Бареттъ ничего не ждала отъ жизни, и жаждала возобновленія силъ, чтобы жить одной поэзіей. У ея отца было одиннадцать человѣкъ дѣтей и онъ запретилъ имъ вступать въ бракъ. Но Елизавета ничуть не сѣтовала на это. Никакой колдунъ не сумѣлъ разрушить очарованный кругъ, который она оберегала. Иногда лишь заходили къ ней нѣсколько друзей. Изъ нихъ чаще всѣхъ навѣдывался Кенъонъ. Бывалъ также и слѣпой Бойдъ, которому она читала когда-то греческихъ классиковъ, но оба они не были опасны, и миссъ Бареттъ не открывала своей двери передъ почитателями ея таланта.

Но судьба сдѣлала именно Кенъона, хотя, можетъ быть, противъ его желанія, посредникомъ. Онъ зналъ молодого поэта Роберта Броуинга, восхищавшагося стихами Елизаветы и нравящагося ей также своими произведеніями. Безъ всякой задней мысли его очень прельщала планъ соединить эти двѣ избранныя души. Кенъонъ наконецъ рѣшился; и послѣ многихъ отсрочекъ, послѣ начавшейся переписки, Робертъ былъ приведенъ къ бѣдной больной, нѣсколько смущенной такимъ упорствомъ. Еще до знакомства съ нею онъ писалъ: «Я люблю ваши стихи всѣмъ сердцемъ, милая миссъ Бареттъ». «Такое письмо изъ такихъ рукъ!»—отвѣчала ему она. Послѣ перваго визита вечеромъ онъ уже написалъ ей письмо, сараяясь, не слишкомъ-ли утомилъ ее, не слишкомъ ли громко говорилъ, по своей привычкѣ говорить съ глухимъ родственникомъ. Онъ словно увидѣлъ воплощеніе своего счастья и нашель его слишкомъ прекраснымъ, чтобы повѣрить въ его реальность, и онъ боялся, что оно улетитъ отъ одного дуновенія.

Робертъ, выдавшій свѣтъ, хорошо образованный, говоритъ о жизни этой затворницы, которая имѣетъ право только мечтать. Сама она является грезой въ глазахъ Роберта.

Появленіе Роберта въ жизни Елизаветы вноситъ лучъ свѣта въ полумракъ ея одиночества.

Она хочетъ пожертвовать собою, забыть о себѣ, отречься отъ всего съ мученіемъ и радостью. Робертъ любитъ ее и хочетъ стать ея мужемъ; но она кричитъ ему: «Нѣтъ!» всѣми своими силами, потому что чувствуетъ себя больной и слабой и не хочетъ своей болѣзью и сла-

бостью опечалить радостную жизнь друга. Чтобы понять ее героизмъ, нужно знать, насколько она любитъ Роберта.

«Мы различны, различны о сердце! Различны наши цѣли и наша судьба. Съ удивленіемъ смотрять другъ на друга наши ангелы-хранители, когда соприкасаются крыльями»... Она считаетъ себя обреченной слезамъ, а его—пѣснямъ, одинокими и разлученными. Ея стихи, наполненныя сокровенными чувствами, музыкально-тоскующія, Робертъ прочелъ уже послѣ. Онъ писалъ ей:

«Дайте мнѣ сказать вамъ разъ навсегда, что люблю васъ всей душой, что я отдаю вамъ свою жизнь, возьмите изъ нея все, что хотите, а я не въ силахъ измѣнить что-либо въ моемъ чувствѣ къ вамъ».

«Мы чувствуемъ, но чувствуетъ ли онъ также?», дрожала скорбь поэтессы въ разбитыхъ аккордахъ ея отвѣта.

«Дорогой мой, вы слѣдовали лучшимъ побужденіямъ во всѣхъ своихъ поступкахъ по отношенію ко мнѣ. Но не могу удержаться, чтобы не сказать, что изъ нашей участи—ваша еще не худшая... Я хочу сказать, что для такой великодушной натуры, какъ ваша, все благородное—легко. Моя задача труднѣе и я сгибаюсь подъ ея тяжестью; старанія снова выпрямиться придали мнѣ колеблющійся и легкомысленный видъ».

Могъ ли онъ думать, что одновременно съ этимъ Елизавета писала слѣдующіе стихи:

«Уйдите! Но я чувствую, что останусь при вашей тѣни. Никогда уже на порогъ своей комнаты не подниму я руки къ солнцу, не подумавъ, что я потеряла прикосновеніе вашей руки къ моей».

Робертъ узналъ сокращенное имя Елизаветы, которымъ ее называли дома. «Это имя,—говоритъ онъ,—которое никогда не появится въ книгахъ, я его теперь знаю и буду писать Бэ». И онъ писалъ.

«Бэ», чтобы обозначить, что она полуребенокъ—«baby», она, которая до глубокой осени своей жизни сохранила такую грацію молодости, что послѣ замужества, когда ей было около сорока лѣтъ, старый итальянскій монахъ называлъ ее «бамбина».

Елизавета считала свое положеніе безвыходнымъ. Будучи старше Роберта, она думала, что останется больной на всю жизнь и что только чудомъ можетъ исцѣлиться. Прочіе вопросы, какъ и вопросы денежнаго свойства, ступшеывались передъэтимъ. Миссъ Бареттъ имѣла свое личное состояніе, но въ этой богатой плантатарской семьѣ дѣти, исключая поэтессы, не могли понять, какъ можно жить, имѣя менѣе пятидесяти тысячъ франковъ дохода. Было еще другое препятствіе въ лицѣ самого Баретта съ его непоколебимымъ запретомъ брака. Но стоило ли говорить, разъ болѣзнь не позволяла и мысли объ этомъ?

Робертъ, не зная, что душа ея разрывается отъ борьбы, не отказывался отъ надежды побѣдить.

«Сердце мое полно вами... Я знаю, что вы выше меня и можете принять, помочь, простить и подождать того дня, который, я хочу этому вѣрить, долженъ придти, когда я объясню все, что чувствую, потому что ничто не объяснено... Любимая моя!», пишетъ онъ.

Въ то же самое время «New Quaterly» опредѣляла Броунинга, какъ человекъ совершенно неспособнаго любить!

Бѣдный Робертъ! Онъ смѣялся такъ же, какъ и Елизавета, надъ этимъ

зablужденіемъ общества; подобныя сужденія обыкновенно такъ далеки отъ истины. «Неспособный любить», онъ грезилъ одной только радостью провести одинъ часъ въ день у кресла «Бэ».

Этотъ поэтъ, неспособный любить, свято хранилъ локонъ Бэ, который она дала ему въ обмѣнъ на прядь его волосъ.

«Я буду жить и умирать съ вашимъ кольцомъ и вашими волосами», писалъ онъ Елизаветѣ. А она спрятала его волосы въ медальонъ, подаренный родственникомъ, который предсказалъ, что она никогда не будетъ любить наполовину.

Что говорило ея сердце, пока она срѣзывала свой локонъ, она не говоритъ ни въ одномъ изъ писемъ; только въ стихахъ, въ знаменитыхъ сонетахъ, которые Робертъ прочелъ уже послѣ свадьбы, мы находимъ отзвукъ:

«Я никогда никому не давала своихъ волосъ, кромѣ этого локона, который я отдаю тебѣ и который такъ задумчиво обвертываю теперь вокругъ пальца, длинный, темный, и говорю: «Возьми»... Я не украшаю больше волосъ розами и миртами, какъ другія дѣвушки; мои волосы отгвѣняютъ на блѣдныхъ щекахъ полосы слезъ... Я думала, что похоронный обрядъ возьметъ ихъ раньше, но любовь опередила. Возьми эту прядь; послѣ многихъ лѣтъ ты найдешь на ней поцѣлуй, оставленный умирающею.

Этотъ обмѣнъ показываетъ, что романъ шелъ своимъ путемъ и что бурныя радости жизни, любовь, молодость, надежда, счастье начали громко звучать въ тюрьмѣ Елизаветы.

Она уступаетъ, какъ свидѣтельствуемъ объ этомъ чудное письмо отъ 20-го декабря 1845 г., откуда приводимъ слѣдующую выдержку:

«Способность любить—величайшая черта моей природы; я такъ думаю, я думала объ этомъ, прежде чѣмъ узнала васъ, васъ и извѣстнаго рода чувство. Несмотря на то, что каждая женщина могла бы полюбить васъ, каждая женщина, достаточно развитая, чтобы отличить васъ, я всетаки увѣрена въ этомъ. Для многихъ вы были бы многимъ въ ихъ жизни; для меня вы все. Для многихъ вы были бы вѣнцомъ счастья; для меня вы само счастье. Изъ глубины пропасти люди лучше видятъ блескъ звѣздъ».

Въ Англіи XIX вѣка были извѣстны многія серіи знаменитыхъ сонетовъ, вдохновенныхъ пережитыми романами: «Домъ жизни», напри- мѣръ, собраніе сонетовъ Россетши, странная и превосходная книга, пролежавшая въ теченіе семи лѣтъ въ гробу, сжимаемая руками покойницы. Хороши также сонеты его сестры Хриестины, которую теперь ставятъ на одномъ уровнѣ съ Елизаветой; сонеты туманные, таинственные и глубокіе: это серія «Монна Инномината», но «Португальскіе Сонеты» Елизаветы сохранили всю свою яркую оригинальность.

Поэзія не сходитъ съ перваго плана, когда дѣло идетъ о Броунингахъ; но письма ихъ показываютъ намъ основаніе и аксесуары, на которыхъ зарождались эти сонеты.

Послѣ свадьбы Броунинги поселились во Флоренціи. Тамъ родился ихъ сынъ.

Тамъ же написала Елизавета свои лучшія вещи «Casa Guidi Windows» и «Аврору Летъ».